Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

№ 57
30 мая — 2 июня 2008 года

О тупиках и науке

В академическом поселке Мозженка была улица под названием “Философский тупик”. Правда, на этой улице жили философы М.Б. Митин, А.М. Деборин, А.Д. Александров и др. Недавно в “Новой газете” появилась статья, озаглавленная “Тупик имени Осипова” — о тупике, который действительно возник и в науке, и в академии. Но можно ли присвоить этому тупику имя президента Российской академии наук Ю.С.Осипова? Вообще, можно ли некоторую ситуацию, хорошую или плохую, сложившуюся в обществе, относить к заслугам или ошибкам одной-единственной личности?

МАРКСИСТСКАЯ НАУКА учит, что ошибочно приписывать общественные кризисы и подъемы влиянию одной конкретной личности. Как мы знаем по истории, оценка роли отдельных общественных деятелей менялась с точностью до противоположной. Научный подход состоит в объективной оценке сложившейся ситуации в обществе.

Вспомним, что случилось, когда рухнула наша огромная держава. Многие ученые жили тогда на пособие в 50 долларов, которое выделяло Американское математическое общество. Зарплата же ученого в переводе на цену доллара на черном рынке составляла 5, затем 10 долларов в месяц. Чтобы продержаться и не только прокормить себя, но и сохранить свою школу, ученый должен был ездить в командировки на Запад.

А если ученые работали по закрытым темам на промышленность, на Минобороны, то они не имели контактов с иностранными учеными, их не знали за рубежом, а часто и не пускали за границу. А ведь как работали! Я вспоминаю те времена, когда был всего лишь заведующим кафедрой в Московском институте электронного машиностроения. У меня была целая армия учеников, сотрудников, были глубокие связи с отраслевыми специалистами. Дирак когда-то говорил, что самое большое наслаждение ученый получает тогда, когда его теоретические работы правильно прогнозируют эксперименты. Я это знаю по себе: какую радость и подъем я испытывал, когда мои работы внедрялись в оборонную промышленность!

Я уже упоминал академический поселок Мозженка. Советское государство создавало ведущим ученым оптимальные условия для работы. Академикам бесплатно выдавались участки земли площадью 1 га с построенными на них роскошными по тем временам коттеджами. В поселке был клуб, где ученые могли отдыхать, общаться и питаться, чтобы не тратить время на хозяйственные заботы. Можно ли представить себе что-нибудь подобное сейчас?

Некоторое подобие я наблюдал в компании Хьюлетт-Паккард, где мне пришлось работать некоторое время. Руководство компании обеспечивало сотрудников помещениями для спортивных занятий и отдыха: теннисными кортами, гимнастическими залами, бассейном, столовой и т.п., которыми они могли пользоваться в любое время. Хозяева понимали, что им важна отдача сотрудников и что им выгодно предоставить своим сотрудникам условия для отдыха и разрядки прямо на рабочем месте: это способствует повышению производительности.

Престиж ученых был очень высоким во всем мире. “Холодная война” стимулировала обе стороны к интенсивному развитию науки. А сейчас разве можно сравнить престиж не только у нас, но и на Западе крупного ученого и выдающегося футболиста? Такая картина не только у нас в стране. Во Франции, которая является колыбелью математики, где в прошлом веке сформировались замечательные школы, также происходит научная катастрофа, и кадры утекают в Германию и Америку.

Приоритетной стала сиюминутная выгода. Развитие же науки не дает прямого, сиюминутного дохода, и поэтому общество не осознает нужду в таком развитии. Международный математический конгресс не вызывает такого ажиотажа и не приносит такого дохода, как футбольный матч двух команд в Лужниках. Таким образом, можно сказать, что ситуация во всем мире существенно изменилась.

Когда аббата Сиеса спросили, что он делал все годы террора во время Великой Французской революции, он сказал: “Я оставался живым”. Для наших ученых и деятелей культуры, которые не эмигрировали на Запад, это тоже был период, когда они просто оставались живыми.

Замечу, что многие из вынужденно эмигрировавших ученых не хотят порывать с Родиной и со своими коллегами, надеются вернуться и оставляют свои трудовые книжки в родных институтах. Эти книжки никому не мешают, есть не просят, и ни в коем случае не нужно этих отнюдь не мертвых душ сокращать.

Мне кажется, что присвоить тупику имя моего старинного друга Ю.С.Осипова было бы крайне не справедливо. Речь может идти лишь о выходе из тупика. Пока этот выход, может быть, только брезжит где-то впереди и зависит не только от руководства страны, но и от состояния общества в целом, от тех приоритетов, которые зарождаются и зреют в нем. Выход возможен, если нынешние приоритеты — нажива, гламурные развлечения, дешевые сенсации и рублёвские сплетни — сменятся глубоким пониманием того, что общество не может выжить, в буквальном смысле слова, без научного прогресса.

Эту истину наше руководство, по-видимому, не без влияния академической элиты, начинает осознавать. Но необходимо серьезное финансовое вливание в научные разработки. Можно быть уверенным, что энтузиасты науки воровать не способны, они отдадут весь свой потенциал, мощь своего труда и вернут сторицей все вложения. А пока что они еле дышат, подрабатывают не по специальности или вывозят свои идеи и разработки за рубеж (такие, например, как материал графен).

Между тем возможна принципиально иная ситуация. Как говорил Архимед: дайте мне точку опоры, и я переверну Землю!

ТЕПЕРЬ ХОЧУ ОСТАНОВИТЬСЯ НА ТЕХ ВОПРОСАХ, затронутых “Новой газетой”, которые касаются лично меня. Я расскажу о достаточно парадоксальном казусе, который

выразился в том, что Совет при президенте по науке и технологиям формально постановил, что мой вклад в науку… отрицательный.

Государственная премия по науке, которая с 2004 года присуждается ежегодно трем ученым, не является преемницей, как сейчас говорят, Ленинской премии или Государственной премии РФ, накопивших огромный капитал и высочайший престиж за годы своего существования. Я обращался в Комитет по премиям и спрашивал, почему новая премия “присвоила” название и престиж старой премии: его ведь нужно завоевать. При этом планка определяется, как правило, не самым высоким, а самым низким уровнем награжденных. Мне на это ответили, что премия называется по-другому: раньше это была Государственная премия по науке и технике, а теперь это — Государственная премия по науке и технологиям. Кстати, старая Государственная премия имела специальную номинацию для молодых ученых — следующую ступень после также престижной премии Ленинского комсомола. В новой премии такой номинации нет. А жаль!

Прежняя Госпремия присуждалась за определенную работу ученого, и он не мог получить за одну и ту же работу несколько премий. Нынешняя Госпремия присуждается за общий вклад ученого в науку.

Кандидатура автора этой публикации с 2005 года ежегодно представлялась на рассмотрение Президентского совета по науке. До нынешнего года, скажу честно, я питал некоторые надежды, что могу быть удостоен этой новой Государственной премии и она поможет мне сохранить мою школу. Но в последний раз я не питал никаких надежд, потому что она присуждается “по совокупности” — и не только вклада в науку.

Известно, что у людей разной идеологии есть свои священные атрибуты и кумиры.

Год назад я совершил “покушение на кумира”: в ряде статей выступил с резкой критикой А.И. Солженицына относительно его субъективной трактовки Февральской революции. Я, конечно, понимал, что целый ряд людей, даже близких мне друзей, отнесется отрицательно к такому ниспровержению своего кумира.

Солженицын был выдвинут на Государственную премию, и Совет по науке вынес решение рекомендовать президенту присудить Солженицыну Государственную премию-2006 как… ученому за вклад в историческую науку. Несмотря на это голосование, ему была присуждена президентом Государственная премия не по науке, а за гуманитарный вклад, возможно, в результате критических выступлений общественности. Но одна премия по науке тем самым “пропала”.

Когда настал мой черед и на Совете рассматривалась моя кандидатура, я, конечно, не сомневался, что премия мне, тем не менее, не светит.

На следующий год меня снова выдвинули на Госпремию совместно с В.И. Арнольдом за наш совместный вклад в математические науки. Неожиданно для нас Владимир Игоревич был выдвинут на эту премию также персонально (это допускается Положением о Государственной премии). При голосовании Госпремия 2007 года была присуждена В.И. Арнольду — замечательному ученому, моему коллеге. Но из решения Совета следует, что мой вклад в науку… отрицательный.

Однако ради любой, даже самой престижной премии я не могу отречься от своей, отличной от солженицынской, точки зрения на Февральскую революцию, в которой участвовали мои ближайшие старшие родственники.

ВОЗВРАЩАЮСЬ К ПРОБЛЕМЕ УЧЕНЫХ. Раньше, как я говорил, у меня была армия, а сейчас все мои солдаты и офицеры разбежались. Могу сказать, что для любого ученого, и для меня лично тоже, самое тяжелое — это видеть, что наш труд и наши идеи не нашли продолжения у наших учеников:

Но верю, не пройдет бесследно

Всё, что так страстно я любил,

Весь пафос этой жизни бедной,

Весь этот непонятный пыл.

Виктор МАСЛОВ.

Академик РАН, лауреат Ленинской премии и Государственной премии РФ.